

Утренний ветерок колыхал белоснежные полы каригины Сэймэя. Придерживая подол широких одежд, он стремительно бежал в сторону Обители Небесного Дао. До неё от дома онмёдзи было около десяти ли — путь не слишком долгий, но дорога пролежала через глухие, совершенно безлюдные места.

На голых, высохших ветвях деревьев зловеще кричали вороны. Но Сэймэю было не до страха — он стремился как можно скорее добраться до обители.

"Хиромаса, только держись. Я обязательно вызволю тебя."

Сэймэю невольно пришлось ускорить шаг. Вскоре перед ним показались ворота заброшенного монастыря, утопающего в густых сорняках. Это и была Обитель Небесного Дао. Вглядываясь в плотно закрытые створки, Сэймэй озабоченно прищурился.

"Место заброшено уже очень давно... Неужели Хиромасу держат здесь?"

Тяжелые ворота вдруг со скрипом распахнулись сами собой. Сэймэй тонко усмехнулся и шагнул за порог. Едва он переступил черту, как створки за его спиной с глухим стуком захлопнулись.

— Так вот какова Обитель Небесного Дао, — негромко произнёс онмёдзи. — Странно только, что средь бела дня здесь царит кромешная тьма.

Он негромко зашептал заклинание:

"Дух огня, яви свой лик!"

В то же мгновение в четырёх углах двора одновременно вспыхнули фонари.

— Недурно, совсем недурно! Управлять духами пламени столь небрежно... Вы действительно незаурядный человек, господин Сэймэй! — раздался из глубин главного зала чистый голос Юй-лана.

— Господин Юй-лан, я пришёл, как мы и договаривались. Хиромаса внутри? — спросил Сэймэй.

— Внутри ли Минамото-но Хиромаса — не столь важно, — донёсся холодный смешок Юй-лана. — Но раз уж вы здесь, господин Сэймэй, почему бы нам не сыграть в одну игру? Я подготовил во дворе защитную печать. Сумеете преодолеть её и войти в зал — тогда и поговорим о вашем друге.

— Раз уж я пришёл, то отступать не намерен, — спокойно ответил Сэймэй. — Коль скоро вы соизволили подготовить для меня испытание, я с почтением приму вызов и познаю тайное

учение великой школы Великой Тан.

— Прекрасно. Начинайте, когда вам будет угодно, — отозвался Юй-лан. — Однако предупреждаю: если не сможете преодолеть печать, вам придётся немедленно убраться восвояси.

— Договорились, — согласился онмёдзи. — Но если я справлюсь, вы вернёте мне тело и душу Хиромасы.

— Хе-хе... Посмотрим, хватит ли у вас умения, — насмешливо отозвался Юй-лан. — Впрочем, если вы согласитесь прислуживать мне, как верный раб, я, пожалуй, отдам вам бездыханное тело этого глупца. Но его душа... Зачем она вам? Я мог бы просто развеять её по ветру, обратив в прах.

— Господин Юй-лан, прошу вас соблюдать уговор, — мягко произнёс Сэймэй. — Пока я не признал поражения, не совершайте непоправимого.

— Что ж, пусть будет так. Жизнь Хиромасы теперь в ваших руках, господин онмёдзи. Только не заставляйте меня долго ждать — терпением я никогда не отличался.

Свет от угловых фонарей лишь подчёркивал зловещий мрак заброшенного двора. Сэймэй внимательно всмотрелся в узоры начертанной Юй-ланом печати и тихо вздохнул.

"Узор невероятно сложен и глубок... Поистине грозное плетение. Как подступиться к нему? Но отступать нельзя."

Сэймэй сосредоточенно принялся изучать переплетения невидимых на первый взгляд потоков энергии.

"Плетение Юй-лана воистину совершенно! Оно создано по канонам Ци Мэнь Дунь Цзя и разделено на три яруса: верхний символизирует Небо и движет Девятью Звёздами, средний олицетворяет Человека с его Восемью Вратами, а нижний — Землю и Восемь Дворцов. Все они делятся на скрытые пути Инь и Ян, рождая по девять раскладов в каждом цикле. Пересекаясь и перетекая друг в друга, эти узоры дают восемьдесят одно превращение... Конструкция безупречна. Как мне разомкнуть это кольцо?"

Сэймэй тихо выдохнул. Закусив губу, он решительно вскинул голову и сделал первый шаг прямо вглубь сияющего узора...

Солнце клонилось к закату, окрашивая горизонт багрянцем.

Юй-лан задумчиво провожал взглядом последние лучи. На его лице блуждала мягкая улыбка, но он тихо вздохнул.

"Какая жалость... Прекрасное вино Великой Тан, такой изысканный нектар, а разделить его не с кем. Поистине, великая потеря."

Он небрежно вертел в пальцах резной кубок из нефрита, неторопливо потягивая густое алое вино. Вдруг тяжелые двери зала распахнулись, и на пороге показался Сэймэй.

Юй-лан вскинул взор на гостя и невольно рассмеялся.

— О, как и следовало ожидать от Абэ-но Сэймэя! А я уж грешным делом подумал, что вы навеки сгинете в лабиринте. Какая удача, что вы успели как раз к вину!

Онмёдзи выглядел утомлённым, его причёска слегка растрепалась, но взгляд оставался цепким и невероятно сосредоточенным.

— Печать, которую вы наложили, господин Юй-лан, воистину превосходна, — спокойно произнёс Сэймэй. — Но, к вашему сожалению, я сумел найти выход.

Юй-лан неторопливо наполнил свой кубок, смакуя каждое движение.

— Что ж, господин онмёдзи, поведайте, как именно вы преодолели мою ловушку?

— Будь то барьер, узор или проклятие — всё это лишь оковы, стесняющие волю, — ответил Сэймэй. — Я не стал пытаться разрушить ваше плетение снаружи. Вместо этого я полностью погрузился в него, чтобы увидеть саму суть этих оков.

— Хм, любопытно. Продолжайте, — улыбнулся Юй-лан.

— Едва ступив за порог, я столкнулся с защитой Восьми Триграмм: Цянь, Дуй, Ли, Чжэнь, Сюнь, Кань, Гэнь, Кунь. Однако я не поддался искушению разорвать их силой и не позволил иллюзиям ослепить меня. Я просто пошёл дальше, проникая в глубину.

— Прекрасно. Распознать внешний круг триграмм — уже немалое достижение. Что же дальше?
— Юй-лан улыбнулся ещё шире.

— Преодолев первый ярус, я обнаружил Восемь Врат: Смерти, Тревоги, Ранения, Отдыха, Жизни, Преграды, Открытия и Сцены. Но и здесь я не стал совершать опрометчивых действий, предпочтя углубиться ещё дальше.

— Ха-ха-ха! Поистине, вы — Абэ-но Сэймэй! Человек, постигший тайну Восьми Врат, способен покорить Поднебесную, а вы оставались столь хладнокровны, осознав, что это ещё не сердце барьера. Рассказывайте дальше!

— В самом центре меня ждало созвездие Девяти Звёзд, управителей дворцов: Тяньпэн, Тяньжэнь, Тяньчун, Тяньфу, Тяньянь, Тяньжуй, Тяньчжу, Тяньсинь и Тяньцин. Поразмыслив, я вновь отказался от поспешного разрушения узлов силы и заглянул глубже.

— Ох, с вами сладу нет, господин Сэймэй! Триграммы, Восемь Врат и Девять Звёзд — неужели вся эта древняя магия не смогла сбить вас с толку?

— Именно тогда я понял, что под тремя ярусами — Небесным, Земным и Человеческим — скрывается ещё один: Божественный. Ваше плетение было искусной обманкой. Любой мастер, излишне уверенный в своих силах, решил бы, что перед ним классический расклад звёзд и врат, и тут же погиб бы, пав жертвой Восьми Божеств скрытого яруса. Воистину коварный замысел.

— Многие пытались пройти этот путь, но вы первый, кто сумел выбраться живым, — рассмеялся Юй-лан. — И как же вы совладали с силой Божественного яруса?

— Божественный ярус опирается на покровительство великих духов: Чжифу, Тэншэ, Тайъинь, Люхэ, Гоучэнь, Чжуцюэ, Цзюди и Цзютянь. Но не забывайте, господин Юй-лан, что я онмёдзи. Призывать богов и повелевать демонами — моё ремесло. И пусть ваше построение родом из Великой Тан, призванные вами божества принадлежат нашему Хэйан-кё. Мне не составило труда вознести им почести и вернуть на законные места, после чего моим глазам предстал призрачный образ Юй-лана, управлявший печатью.

— О? Двойник? И как же вы одолели меня?

— К сожалению для вас, это был не настоящий Юй-лан, а лишь искусная иллюзия, сотворённая из флейты из белого нефрита. Разумеется, она не могла тягаться со мной в колдовстве, и я без труда заставил её вернуть истинный облик. Лишь благодаря этому мне и удалось выбраться.

Сэймэй тонко улыбнулся и приподнял руку, в которой покоилась флейта из белого нефрита.

Юй-лан продолжал тепло улыбаться, словно его вовсе не заботил проигрыш.

— Это вино привезли из Великой Тан как дар от заморских послов Персии. Его изготовили из лучшего винограда, а пить его следует из этих прославленных кубков, светящихся во тьме. Прошу вас, присаживайтесь, господин Сэймэй. Не откажетесь ли разделить со мной чашу?

Онмёдзи не заставил себя ждать: он подошёл к столу и сел напротив хозяина. Юй-лан собственноручно наполнил кубок алым нектаром и протянул гостю. Сэймэй осушил

драгоценную чашу одним глотком и пристально посмотрел на собеседника.

— Видите? На свете есть и другие люди, способные разделить с вами трапезу, помимо этого неотёсанного Минамото-но Хиромасы. Вино ведь отменное, верно? Позвольте наполнить ваш кубок снова.

С этими словами Юй-лан плеснул Сэймэю ещё багряной влаги.

— Напиток и впрямь чудесен, — отозывался Сэймэй. — Надеюсь лишь, что и помыслы того, кто его наливает, столь же чисты.

— Ха-ха-ха! Помилуйте, в этом подлунном мире нет ни добра, ни зла, — рассмеялся Юй-лан. — Люди зовут добром лишь то, что приносит им выгоду, а вредное для себя клеймят злом. Но то, что благо для одного, оборачивается несчастьем для другого, не так ли?

— Верно сказано, — с улыбкой согласился Сэймэй. — Ради этих слов я с удовольствием выпью с вами ещё раз.

Они соприкоснулись кубками и разом осушили их до дна.

— Господин Сэймэй, неужели вы не почувствовали? — с заговорщицким видом прошептал Юй-лан. — В этом вине скрыто моё заклятие.

— Отчего же, почувствовал, — отозвался онмёдзи с лёгким смешком. — Очарование хмельного духа, не иначе. Поистине превосходное зелье. Будь здесь Хиромаса, он бы непременно вытребовал себе ещё парочку чаш.

Юй-лан негромко вздохнул и устремил на Сэймэя долгий, изучающий взор.

— Всё ещё печётесь о нём? Сами отмечены печатью Бога Кошек, а помыслы ваши безраздельно принадлежат другому... Неужели гнев Высшего покровителя вас ничуть не страшит?

— Разумеется, гнев божества вселяет в меня трепет, — мягко ответил Сэймэй. — Но куда сильнее я боюсь потерять друга. Такого, как Хиромаса.

— Понимаю, — протянул Юй-лан, глядя на него с затаённой грустью. — Для вас Минамото-но Хиромаса — величайшее сокровище, которое невозможно ничем заменить.

— Прежде мне уже доводилось слышать подобные слова, но тогда я лишь отмахивался от них, — негромко заговорил Сэймэй. — Мне всегда казалось, что судьба Хиромасы в моих руках. Когда в прошлый раз нить его жизни оборвалась, я сумел совершить Ритуал Повелителя горы

Тай и вырвать его из объятий смерти. Я наивно полагал, что никто не властен разлучить нас. И вот вы, господин Юй-лан, с лёгкостью забрали его, а я оказался бессилен. Лишь теперь я осознал, насколько он мне дорог. Пожалуйста, верните мне его тело и душу.

— Ах, какую драму я невольно сотворил! — воскликнул Юй-лан, всплеснув руками. — Но скажите мне, господин онмёдзи: если бы перед вами встал выбор — спасти Хиромасу или сохранить собственную жизнь, — что бы вы предпочли?

— Себя, разумеется, — со смехом ответил Сэймэй. — Ведь если погибну я, то некому будет спасти Хиромасу. Иначе мы оба сгинем без следа.

Юй-лан на мгновение опешил, а затем залился искренним, звонким смехом.

— Поистине, только Абэ-но Сэймэй способен заявить подобное с такой невозмутимостью! Однако... в этом мире лишь Кошачий дух способен вернуть вашего друга к жизни. Скажите на милость, похож я на него?

— Я уже говорил вам: пока я не увижу клеймо Бога Кошек на вашей плоти, для меня вы остаётесь господином Юй-ланом, — парировал онмёдзи.

— О? Клеймо? Выходит, великий онмёдзи желает самолично раздеть меня, дабы разглядеть тайные знаки на моей спине? — в голосе Юй-лана зазвучала лукавая насмешка.

— В этом нет нужды, — мягко улыбнулся Сэймэй. — Однако меня не оставляет странное, почти мистическое чувство, будто вы и принцесса Мёки связаны какими-то неразрывными, очень близкими узами. Не могу объяснить природу этого ощущения, но оно на удивление отчётливо.

— Вот как? — Юй-лан на мгновение посерьёзnel. — С чего вдруг вы заговорили о принцессе Мёки?

— Порой мне кажется, что вы с ней — одно лицо.

— Похожи? Что ж, мы ведь учились у одного наставника, — безмятежно пожал плечами Юй-лан.

— Быть может, — согласился онмёдзи. — И всё же сходство слишком разительное. Порой я ловлю себя на мысли, что едва различаю вас. Моё чутьё подсказывает, что дело тут отнюдь не в общих годах ученичества.

— Вот как? Раз уж ваше чутьё завело вас столь далеко, быть может, вы действительно желаете постичь нашу тайну? — загадочно протянул Юй-лан.

— Если это не доставит вам хлопот, я с удовольствием выслушаю вашу историю, — улыбнулся онмёдзи.

— Раз уж у господина Сэймэя накопилось столько вопросов, почему бы вам не задать их самой принцессе Мёки? — предложил Юй-лан.

— Спросить саму принцессу? Неужели...

Не успел он договорить, как Юй-лан громко позвал:

— Принцесса Мёки, явитесь к нам! Господин онмёдзи горит желанием вас увидеть!

Тяжёлые шёлковые занавеси раздвинулись, и из полумрака величаво выступила принцесса Мёки. Полы её изысканного китайского одеяния мягко шуршали по полу. Двигаясь плавно и бесшумно, она опустилась на циновку рядом с Сэймэем.

Сэймэй невольно вздрогнул от удивления, глядя на гостью. На лице принцессы застыла кроткая, чарующая улыбка.

— Господин Сэймэй, судьба вновь свела нас вместе. Какое благословение, — нежно проговорила она.

Онмёдзи промолчал, внимательно, до мельчайших деталей изучая её облик.

— Моя дорогая принцесса, не стоит смущать нашего гостя излишним вниманием, — с улыбкой вмешался Юй-лан. — Лучше разлейте нам ещё вина.

— Как пожелаете, — принцесса послушно опустила взор и с изящным поклоном наполнила кубки мужчин до самых краёв.

— Дивный вечер, — мечтательно проговорил Юй-лан. — Не почтите за труд, одарите нас вашим благородным танцем, дабы скрасить застолье.

— Слушаюсь. Пожалуй, я исполню для вас великий танец радужной и перьевой одежды, рождённый в землях Тан, — ласково ответила Мёки.

— Чудесно! Нам не терпится вкусить эту красоту, — подбодрил её Юй-лан.

Принцесса грациозно поднялась и скользящей, почти невесомой походкой направилась на середину просторного зала.

— Пойдите! — внезапно окликнул её Сэймэй.

— У господина онмёдзи есть иные пожелания? — приподнял бровь Юй-лан.

— Искусство принцессы Мёки в танце неоспоримо, — мягко произнёс Сэймэй. — Однако в этот тихий час моя душа жаждет лишь одного — услышать чарующие звуки её флейты.

Мёки робко взглянула на онмёдзи и тихо вздохнула:

— Сэймэй-сама, я была бы рада исполнить вашу просьбу, но, увы, сегодня я не взяла с собой инструмент.

— Разве это преграда? Возьмите мою, — Сэймэй протянул ей флейту из белого нефрита.

Принцесса не спешила брать инструмент, нерешительно взглянув на Юй-лана.

— Раз уж наш почтенный гость проявил столь изысканный вкус, не отказывайте ему, — кивнул Юй-лан.

Мёки бережно приняла флейту из рук Сэймэя, но вместо того чтобы остаться на месте, скользнула к Юй-лану. Взмахнув длинными рукавами китайского платья, она крутанулась в изящном пируэте. Воздух наполнился едва уловимым сиянием и тонким благовонным ароматом. Над залом поплыли первые, хрустально-чистые ноты.

Сэймэй тихо прикрыл глаза, погружаясь в мелодию.

— Пленительная музыка... Она заставляет забыть обо всём на свете, — заговорил онмёдзи, не открывая глаз. — Полноте, господин Юй-лан, уж не хотите ли вы сказать, что прекрасная принцесса Мёки — всего лишь подвластный вам сикигами?

— А вы как думаете, господин Сэймэй? — усмехнулся Юй-лан. — Разве не похоже на то?

— Похоже, на редкость похоже, — рассмеялся в ответ онмёдзи.

Не переставая улыбаться, Сэймэй неуловимым движением извлёк из рукава бумажный амулет с начертанной на нём пентаграммой. Зажав его двумя пальцами, он стремительно коснулся предплечья Юй-лана.

"Иллюзии — прочь, явись истинный лик!"

Воздух дрогнул. Сидящий перед ним Юй-лан растаял без следа, а на циновку, прямо в ладонь

онмёдзи, глухо опустилась флейта из изумрудного нефрита.

Музыка оборвалась. Принцесса Мёки опустила инструмент и молча уставилась на Сэймэя. Онмёдзи хранил молчание, отвечая ей столь же пристальным взглядом.

— Ваша победа, господин Сэймэй, — наконец тихо произнесла она.

— Вы слишком скромны, ваше высочество, — улыбнулся онмёдзи. — Однако, вступая в противоборство с Абэ-но Сэймэем, проявлять подобную беспечность — непозволительная роскошь.

Принцесса покачала головой и вновь улыбнулась.

— Моё почтение. Но всё же, как вы разгадали этот трюк?

— Господин Юй-лан как-то обмолвился, что древние инструменты вроде флейты Лист-два обладают собственной душой, — ровным голосом ответил Сэймэй. — Они сами выбирают себе хозяина, признавая лишь достойных. И я ни на миг не сомневался, что флейта из белого нефрита в моих руках — такой же священный артефакт. Но главное... ведь вы, принцесса Мёки, и есть настоящий Кошачий дух, не так ли?

— Верно, — спокойно подтвердила она. — Но в одном вы всё же заблуждаетесь, господин онмёдзи. Мёки действительно Кошачий дух, но и Юй-лан — тоже он.

— Вот как? — приподнял бровь Сэймэй.

— Дело в том, что в подлунном мире нет ни принцессы Мёки, ни юноши Юй-лана, — загадочно проговорила она.

— Какое любопытное откровение, — отозвался Сэймэй.

Она лишь безмолвно поманила пальцем, и флейта из изумрудного нефрита послушно выскользнула из ладони Сэймэя, взмыв в воздух и опустившись в её тонкие пальцы.

— Обе эти флейты выточены из цельного камня руками великого мастера прошлого, — тепло заговорила она, поглаживая прохладный нефрит. — Хотя цвет их различен, они неразделимы. На изумрудной вырезан божественный луань, на белой — благородный феникс. Вместе они зовутся Созвучием Луаня и Феникса. Некогда император преподнёс их моему отцу, принцу Ли, в день его сочетания браком. Я полюбила их всем сердцем, и отец подарил их мне. Они долгие годы внимали моим духовным практикам, впитав частицу моей сути, и обратились в могущественные артефакты. Совсем как ваш верный веер-летучая мышь, господин онмёдзи.

Сэймэй тонко усмехнулся и сделал лёгкое, едва заметное движение кистью — его веер с сухим шелестом раскрылся, погнав по залу прохладную струйку воздуха.

Принцесса указала пальцем на инструменты в своих руках. Мгновение — и флейта из белого нефрита обернулась статной служанкой в белоснежном платье, а флейта из изумрудного нефрита — девой в лазурных одеждах.

Белая дева крутанулась на месте, принимая облик Юй-лана, а лазурная повторила её движение, обратившись точной копией принцессы Мёки.

— Они — не просто мои инструменты. Они — мои преданные сикигами и, когда нужно, верные двойники, — пояснила Мёки.

— Вот оно что. Юй-лан и принцесса Мёки — грани единого существа, за которыми скрывается истинный предводитель Обители кошачьих духов, Кошачий дух, — рассмеялся Сэймэй. — Похоже, сотворить Юй-лана из пустоты было отличной затеей. Мои заклятия попросту увязли в несуществующей тени.

Принцесса ласково улыбнулась и сделала неувимый жест:

— Цинлуань, Байфэн, вернитесь.

Девы послушно склонили головы. Очередной безмолвный приказ — и обе фигуры вновь растаяли, обратившись парными флейтами, скользнувшими в ладонь госпожи.

— Верно, — кивнула она. — Мой род правит в Великой Тан, моё имя — Ли Юймё. Матушка ласково звала меня Мёки, и вы, господин онмёдзи, вольны называть меня так же. Но если разделить иероглифы моего имени, получатся «Юй-лан» и «Мёки». В этом мире живёт принцесса Кошачьих духов Юймё, она же принцесса Великой Тан по имени Ли Юймё. Но ни юноши Юй-лана, ни девы Мёки в нём никогда не существовало.

— Вот как? — прищурился Сэймэй. — Называть своё истинное имя онмёдзи — крайне опасное легкомыслие, принцесса Юймё. Не бойтесь, что я наложу на вас заклятие?

— Мы оба с вами давно повязаны невидимыми узами, — рассмеялась Принцесса Юймё. — К чему мне страшиться оков поверх оков?

— И всё же, когда вы намерены отпустить Хиромасу? — посерьёзnel онмёдзи.

— Думаю, лишь после того, как мы с вами снимем печать Бога Кошек, — уклонилась от прямого ответа Принцесса Юймё. — Вы ведь сами изволили заметить, что сперва нужно спасти собственную шкуру, и лишь затем вызволять друга?

— Но какое отношение древняя печать имеет к Хиромасе? — нахмурился Сэймэй.

— Три души и семь телесных душ господина Хиромасы запечатаны в драгоценном сосуде и принесены в дар Богу Кошек, — спокойно пояснила принцесса. — Вернуть их из чертогов духа — задача не из лёгких. Но раз уж я дала вам слово, то непременно сдержу его.

— Получается, вы даже не брали его душу и тело с собой, — вздохнул онмёдзи.

— Я просто не чаяла уступить вам так быстро, — принцесса досадливо покачала головой. — Увы, в чём-то я до смешного схожа с вашим ненаглядным Хиромасой. Завидев того, кто мил сердцу, я тоже умею лишь отчаянно дуть во флейту. Я так боялась, что сикигами сфальшивят и не смогут усладить ваш изысканный слух, что решила применить Технику Смены Образов, дабы сыграть самой... И надо же было так глупо выдать себя!

— У вас превосходное чувство юмора, принцесса, — не удержался от улыбки онмёдзи. — Теперь я вижу: Юй-лан, разделявший со мной чашу, действительно был вами, а не призрачной марионеткой. И всё же мне не даёт покоя один вопрос: отчего вы так упорно преследуете Хиромасу? Неужели всё дело во мне?

— О, не льстите себе, господин онмёдзи. Дело далеко не только в вас, — загадочно усмехнулась принцесса Великой Тан. — У нас с господином Хиромасой давние счёты, о которых он, впрочем, и не подозревает. Но к чему эти расспросы на ногах? Присядем, пригубим вина и побеседуем как хорошие друзья.

— Что ж, я весь внимание, — согласился онмёдзи.

Они опустились на шёлковые циновки. Тьма окончательно поглотила заброшенную обитель, и в этой глухой, зловещей тишине за окном не шелестел ни один лист — ветер полностью утих.

<http://bllate.org/book/20464/2132738>